

Заглавие документа: Половцев, Д.О. Взрослость в «Сказках старого Вильнюса» М. Фрая / Д.О. Половцев // Вопросы филологического анализа текста: сб. науч. ст. / Чуваш. гос.пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – С. 184–187.

Авторы: Половцев, Денис Олегович

Тема: Зарубежная литература

Дата публикации: 2016

Издатель: Чувашский государственный педагогический университет

Аннотация: «Сказки старого Вильнюса» Макса Фрая (известно, что под настоящим псевдонимом «кроется» Светлана Мартынчик, проживающая в настоящее время в городе Вильнюсе) – фантастические рассказы, представленные в трех томах и изданные в 2014 году. В настоящей статье автором выявлено, что все пространство в «Сказках старого Вильнюса» занимают взрослые. Эта «взрослость» наполняет его своими страхами, одиночеством, потерями, грустью, но и, конечно, своими победами, радостями и часто непосредственностью, которую взрослые ищут в детстве.

ВЗРОСЛОСТЬ В «СКАЗКАХ СТАРОГО ВИЛЬНЮСА» М. ФРАЯ¹

В настоящей статье автор раскрывает проблему взрослости в «Сказках старого Вильнюса» (далее – «Сказках...») М. Фрая. Взрослость связана, с одной стороны, со страхами, одиночеством, потерями, грустью, а с другой – с победами, радостями и непосредственностью.

Страхи взрослых связаны, большей частью, с их переживаниями из детства. Так, рассказчик сказки «Улица Лапу (Lapų g.). Много прекрасных дорог» [1], спустя много лет после переезда из родительского дома на улице Лапу, решает к нему прогуляться: «когда пересекал пустырь, <...> испугался <...>. От страха начало подташнивать. Руки светились, как бумажные фонари, и тряслись хуже, чем с самого тяжкого похмелья» [1, с. 224 – 225]. Или, например, для Янины из сказки «Улица Пилимо (Pylimo g.). Полиция города Вильнюса» [1] «воздух стал густым и тошнотворно-сладким, кислый запах страха Янины смешался с терпким звериным ароматом невидимого убийцы» [1, с. 246]. Янине этот страх снится,

¹ Настоящая работа выполнена в рамках стажировки автора в Литовском эдукологическом университете (Lithuanian University of Educational Sciences) по гранту на проведение научного исследования от образовательного фонда Education Exchanges Support Foundation (октябрь – декабрь 2014 г.).

причем снится он регулярно и с детства; первый раз приснился в четырнадцать лет. Рассказчице казалось, что на троллейбусной остановке на улице Пилимо ее всегда убивают, «то есть по-настоящему убили только в первый раз, ножом в спину, и это было так ужасно! <...> Как будто меня жевали, вернее, перемалывали в мясорубке. Не тело, конечно, а – меня» [1, с. 251]. Конечно, она сама осознавала, что это игра воображения, нелепая фантазия, «неожиданно звонкое эхо давнего юношеского увлечения сочинительством фантастических историй» [1, с. 256].

Рассказчику сказки «Улица Бернардину (Bernardinų g.). Какие сны» [2] снятся кошмары про инопланетян, про школу, даже про опоздание на поезд. В них инопланетяне разгуливали по улицам Вильнюса и имели намерение сожрать жителей города, кроме тех, кому суждено сдать экзамен по физике. Во сне героя задерживает полиция за нарушение «правила транстопографической миграции в ходе субъективного восприятия негативных онейрологических образов» [2, с. 36], то есть за контрабанду кошмаров. Оказывается, приезжим категорически запрещается переносить действие своих кошмаров в Вильнюс. За нарушение данного правила предполагается немедленная «депортация», то есть пробуждение. «Депортации» поддаются все, кому снятся страшные сны про Вильнюс, независимо от их фактического территориального нахождения. При этом полиция города приветствует хорошие и даже нейтральные сны про Вильнюс. Вследствие этих кошмарных снов «утром из зеркала <...> глядело существо столь несчастное, что [рассказчик. – Д.П.] чуть не разрыдался от жалости – не к себе, к нему, ни в чем не повинному жителю зазеркалья» [2, с. 31].

Для многих рассказчиков окружающий мир всегда «болел», он для них – «вымороченный, враждебный, нескладно и нелепо устроенный, не поддающийся исправлению, но при этом сияющий, звучащий, вибрирующий, ветреный, огненный и ледяной, великолепный» [1, с. 289 – 290]. Поэтому герои «Сказок...» рисуют на асфальте (сказка «Улица Ашмянос (Ašmenos g.). На сдачу») [1] рыб, карту города, потоки ветра, мост между землей и небом, что сильно оживляет городской асфальт; блуждают в поисках ответов на жизненно важные вопросы на улице Вису Швентую (и только на ней, ибо название переводится как улица Всех Святых) (сказка «Улица Вису Швентую (Visų Šventųjų g.). Все святые») [1]; играют в нарды на погоду (сказка «Улица Ужупё (Užupio g.). Мартовские игры») [1] и т.д.

При помощи воображения герои расширяют границы своего познания. Например, два рассказчика сказки «Улица Калинауско (K. Kalinausko g.). Ну, например» [1] предполагают наличие в портфеле у «тощего сутулого старика» дракона; женщина в красном пальто видится им балериной; а у дамы с коляской, на их взгляд, младенец еще не родился, он, должно быть, ей приснился; старушка с внуком вовсе не есть обычная

старуха, а ведьма, которая «взялась выращивать себе очередное новое тело» [1, с. 163]; университетская «профессорша» Люси из рассказа «Улица Латако (Latako g.). ... вымышленных существ» [4] населяет город «говорящими сомами», «зайцем-людоедом».

Герои М. Фрая часто оказываются чудаковатыми. Так, рассказчик сказки «Улица Гаоно (Gaono g.). Спящие полицейские» [1] поит коньяком спящих «полицейских»; старик из рассказа «Улица Диджои (Didžioji). Испорченный телефон» [1] сочиняет небылицы про невидимый железнодорожный вокзал в Рейкьявике, облачный аукцион в Туамасине, большого синего попугая в Кракове, хотя эти истории рассказывает, по его твердому убеждению, всего лишь «вильнюсский ветер».

За этим фантастическим элементом неизбежно скрывается «взрослость» со своими утратами, расставаниями и надеждами. «Взрослость» героев нивелируется, растворяется при воспоминании о моментах чуда, произошедших в детстве, и взрослые герои «Сказок...» иногда склонны впадать в то самое детство. Так и поступает, например, Люси из рассказа «Улица Кривю (Krivis g.). Халва в шоколаде» [1]. Еще в школьном возрасте – по совету своего деда – она закапала для князя Гедиминаса следующую записку: «Это самые вкусные в мире конфеты, пусть они продаются у нас» [1, с. 199]. Речь идет о сладости «халва в шоколаде», привезенной маминей Люси из Москвы. И чудо вскоре произошло: «халву в шоколаде принес домой дед. Получил пенсию, по традиции зашел в булочную за тортом, заодно и конфет купил, в красивой красно-золотой фольге» [1, с. 200].

Во взрослом возрасте, спустя много лет, сожалея об упущенных возможностях, а она ведь только закапала одну записку, Люси совершает схожее действие: закапывает картинку из журнала с летящими в небе воздушными шарами: «когда копала ямку на вершине холма, чувствовала себя полной дурой. Не имела ничего против – освежающее ощущение» [1, с. 209]. Она увидела шары над Вильнюсом через год: «темно-синий с желтым значком», «белый с цветком клевера», «красный с надписью “Nord”», «бирюзовый с рекламой пива», «радужный с черным слоном» [1, с. 210]. Впрочем, «воздушные шары над Вильнюсом стали вполне будничным зрелищем, некоторые горожане даже перестали обращать на них внимание – летят себе и летят, обычное дело» [1, с. 210 – 211]. Так свершилось совместное чудо Люси и князя Гедиминаса.

Отметим, что герои постоянно пытаются найти, уловить и ощутить свое «вечное мгновение». Ирма (сказка «Улица Стиклию (Stiklių g.). Карлсон, который» [1] в сопровождении бывшего одноклассника своего мужа по имени Келли периодически совершает ночные вылазки на крыши домов, чтобы созерцать город, который светится разноцветными огнями. В такие моменты Ирма, «не торгуясь, отдала бы за возможность остаться в этом мгновении – ночью, на крыше, с ветром, молчаливым другом и

сигаретой, без привычной рваной раны в той области, где у нормальных людей находится бессмертная душа, – навсегда» [1, с. 296]. Ирма также обожала все ночные «сокровища» города: детские качели во дворах, мокрые от дождей булыжники улиц, тени в стеклах и др. Больше всего ей нравилось искать на рассвете путь домой; наблюдать за тем, как гаснут фонари, «бурно радоваться найденным на тротуаре медякам»; покупать на них горячий хлеб у водителей грузовиков <...>; жадно раздирать батон на части, выхватывать из рук, убежать <...>, дразниться <...>, а потом заботливо совать друг другу последние куски: “Возьми, я больше сожрал”» [1, с. 297]. Таковы для Ирмы ее «вечные мгновения», заключающиеся в, с одной стороны, в непосредственности и дурачестве, а с другой, в ностальгии по невозможности совершить действия подобного рода в обыденной жизни.

Апофеозом ее «вечного мгновения» явилась ночь, когда на город опустился туман, «плотный и непроницаемый, как в мультфильме про ежика; до сих пор Ирма думала, на самом деле такого не бывает» [1, с. 298]. Город в тумане стал иным, он стал почти невидимым; изменилось все вокруг. Она перестала его узнавать, город казался ей совершенно незнакомым, Ирма не понимала, в каком его квартале находилась, на какой улицы Келли и она останавливались. В конце концов, они оказались на мосту. Она знала этот мост, который был перекинут не через речку (в городе не было реки и мост в центре был единственным), а над трущобами. Ирма посмотрела вниз и «тут же отшатнулась. Ей показалось – **разумеется, просто показалось**, – что внизу <...> нет никакого тумана, но и двухэтажных барачных домов, чахлах деревьев и захламливаемых тротуаров там тоже не было. Под мостом текла река, неширокая и очень быстрая, по реке плыла байдарка, гребец в оранжевом жилете приветливо помахал ей рукой [выделено нами. – Д.П.]» [1, с. 299]. Здесь речь идет о таком «видении», которое способно преобразить серость и повседневность существования.

Таким образом, мир для взрослых героев Макса Фрая – «такой прекрасный, необязательный, недоступный и вожделенный» [3, с. 195] (сказка «Улица Кармелиту (Karmelitu g.). Белый кролик Лена» [3]), и все они хотят обладать волшебной палочкой подобно рассказчику сказки «Улица Антоколскё (M. Antoloskio g.). Шесть чуд» [2]: «Достал из кармана волшебную палочку, взмахнул ею, для пущей убедительности вычертил в воздухе завалившуюся на бок восьмерку, общеизвестный символ бесконечности. Очень строго, как легкомысленному пациенту перед выпиской, сказал: – Пусть чуды никогда не заканчиваются» [2, с. 21]. Итак, настоящие «Сказки старого Вильнюса» – ностальгия по детству, с одной стороны, а с другой – вербализованные усилия рассказчиков, направленные на компенсацию не(до)полученного в детстве и, в конце концов, борьба с собственными волнениями и страхами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрай, М. Сказки старого Вильнюса: [рассказы] / М. Фрай. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – Том 1. – 384 с.
2. Фрай, М. Сказки старого Вильнюса: [рассказы] / М. Фрай. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – Том 2. – 480 с.
3. Фрай, М. Сказки старого Вильнюса: [рассказы] / М. Фрай. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – Том 3. – 480 с.